

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ

О, светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холмами, высокими дубровами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, безчисленными городами великими, селами дивными, виноградами обительными, домами церковными, и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о, правоверная вера христианская!

Слово о погибели руския земли по смерти великого князя Ярослава

Моя тайга... степь, озеро, река, луга, поля и нивы... — моя родная русская земля. У всякого, не спалённого дотла пороком, не заплесневевшего в корысти, не засохшего в книжном учении, яко полевая ромашка в тяжком томе о заморских красотах, есть таёжная падь, приречная долина, широкий дол, кои землянин величает: моя земля. Хотя земля и не куплена в торгах... Попробуй, купи степь необозримую, тайгу непроходимую... хотя и не выпала земля в наследство, хотя, кроме тебя, уйма народа в здешней земле обитает, хотя и сам ты уочевал в чужедальние края, а всё одно — моя земля. Здесь отзвенело детство полевыми колокольцами, стояло в белом тумане сенокосное отрочество, здесь похоронены мать и отец, после коих обветшали избы, утопающие в дурнопьяной лебеде и крапиве, обредела деревенька и ушла в землю.

Свой крайчик земли, словно краюха ржаного хлеба, засолоневшая от пота, от слёз кручины и отрады; своя земля... и земляк в своё время понимался как человек, с которым ты свято и клятвенно связан единой землей.

“Мой угор, угорышек...” — любил ввернуть в речь крестьянский писатель Фёдор Абрамов, летуя в родном селе Веркола, умиленно оглядывая с угора желтоватые поля, бережно объятые поскотиной-городьбой, чтобы коровы хлеба не потравили. Благодать Божия: веет с небес прохладный ветерок, гуляет под вольно выпущенным, широким рубищем, ласково колышет волосы, и взгляд писателя уплывает в зеленеющие пастбища, к синеющей реке, к храму, белеющему на холме, сливая ниву с небесами.

Издревле воспевали и оплакивали русские родную землю...

“О, Русская земля! уже ты за холмом! <...> Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, // но часто вороны граяли, // трупы между собой деля, // а галки свою речь говорили, // собираясь полететь на добычу <...> Чёрная земля под копытами косями была засеяна // и кровью полита: // горем взошли они по Русской земле <...> А поганые со всех сторон приходили с победами // на землю Русскую” (*“Слово о полку Игореве”*).

“Кто, братья и отцы, и дети, видевши такое Божие поущение на всей Русской земле, не плачется? Грех ради наших попустил Бог найти на ны поганья; наводит бо Бог, по гневу своему, иноплеменников на землю, чтобы сокрушёнными ими обратятся к Богу” (*Из Лаврентьевской летописи*).

“Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани её! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость” (*Никита Афанасьев*).

“Эти бедные селенья, // Эта скудная природа – // Край родной долготерпенья, // Край ты русского народа! // Не поймёт и не заметит // Гордый взор иноплеменный, // Что сквозит и тайно светит // В наготы твоей смиренной. // Удручённый ношей крестной, // Всю тебя, земля родная, // В рабском виде Царь Небесный, // Исходил, благословляя” (*Фёдор Тютчев*).

“Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России... И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли” (*Лаврентий Корнилов*).

* * *

В ископной красе хранили русские крестьяне любовное, обрядово-поклонное отношение к земле. Хотя земля числилась и третьей в череде языческих поклонений (первый – царь-огонь, вторая – вода), но лишь землю крестьяне величали матерью. И в земледельческом таланте крестьян, кроме вселенского природознания, трудолюбия и терпения, кроме сбережённых многовековых земледельческих навыков, таилась неизбывная, всепоглощающая, обрядово-поклонная, жертвенная любовь к матери сырой земле – любовь, увы, порой впадающая в духовную прелесть – языческое одухотворение земли. Долго после Крещения Руси крестьянин нет-нет да и забывал, что земля – Творение Божие – не обладает самосвятостью. “Почитание русскими язычниками “матери-земли”, – писал Лев Лебедев, – это отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога – Создателя человека и земли, – они поклоняются творению, а не Творцу”¹. “Вначале сотворил Бог землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. <...> Адаму же сказал Господь: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедовал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей; <...> в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься” (*Быт. 1: 1, 2, 17, 19*).

Земля в дохристианских верованиях славян, долго хранимых русскими крестьянами в сумраке памяти, понималась яко *мать*, от которой не токмо нарождается всё живое, но произошло и само тело человеческое. Казалось бы, древнее воззрение не противоречит Священному Писанию, где сказано “Всяк человек – земля есть и в землю отыдет...”; но, повторим, заблуждение крещёных славян крылось в том, что язычники наделяли землю самостийной, не зависимой от Бога творящей силой, не ведая душеспасительного Бога Творца, сотворившего землю, а из земли – человека и всё живое.

“Предания о происхождении человека, равно принадлежащее всем индоевропейским народам, в том числе и славянам, говорят, что тело человеческое взято от земли и в неё же обращается по смерти, кости – от камня, кровь – от морской воды, пот – от росы, жилы – от корней, волосы – от травы. Верование это высказано в “Стихах о Голубиной книге”:

*Телеса наши — от сырой земли,
Кости крепкие взяты от камня,
Кровь-руда — от чёрна моря.*

Народные загадки метафорически называют волосы – лесом, а траву – волосами <...>. Рядом с поклонением небу должно было возникнуть и утвердиться религиозное почитание земли. Следы этого обоготворения сохранились и у славян... Богатыри, поражающие лютых змеев, в ту минуту, когда им грозит опасность быть затопленными кровью чудовища, обращаются к земле с просьбой: “Ой, ты еси, мать сыра земля!.. расступися на все четыре стороны и пожри кровь змеиную”, – и она расступается и поглощает потоки крови”².

Даже богатырь Илья Муромец, прототипом которого был святой Илия Муромский, крестьянский сын из села Карачарова, казачий атаман, насельник Киево-Печерской лавры, – даже этот былинный богатырь, когда супостат, одолев его, замахивается мечом, вопрошает: мол, что ж ты, мать сыра земля, ныне повыдала меня³?

* * *

Одухотворённой матушке сырой земле посвящены большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку *мать сыра земля*, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниеносных страстях покрытая дождями и росами *небесного отца*, рожала хлебушек, рожала *жито – живот, жизнь*. Были века в славяно-русском язычестве, когда *мать сыра земля* – Макошь (*макушка лета*), “покровительница” урожая и судьбы, почиталась как верховное божество, рядом с которой, судя по старинным русским вышивкам, сохранившим языческие сюжеты, по леву и праву руку восседали верхом на лошадях рожаницы Лада, богиня вешнего пробуждения земли и первой зелени, и дочь её Леля с сохами, притороченными к сёдлам.

Священные знаки земли – обереги от нечистой и лукавой силы – красовались почти на всём, что окружало нашего предка-руса: на прялке, на причелинах и подзорах избы, на девичьем кокошнике, на резной спинке кошевых саней – везде рядом со знаками Солнца и Вод сиял знак Матери-Земли. Эти обереги (аграрно-магические знаки) в домовой резьбе, в росписях посуды уже, вероятно, без сознания их силы, дожили чуть ли не до нынешнего времени. Особенно выразительны они на внешнем декоре семейских⁴ изб в Забайкалье. Даже “захоронения предков в земле, – писал Борис Александрович Рыбаков в книге “Язычество древней Руси”, – могли означать, во-первых, то, что они как бы охраняют земельные угодья племени (“священная земля предков”), а во-вторых, они, находящиеся в земле предки, способствуют рождающей силе земли”⁵.

Александр Афанасьев глубоко исследовал древнеславянские мистические воззрения на природные стихии и Вселенную (в том числе и землю), проведя, нередко спорные, космогонические параллели между героями русского фольклора, символикой крестьянских усадеб и миром Вселенной. Он же даёт и картину многих аграрно-магических обрядов, подтверждающих одухотворение матери-сырой земли в древнерусских верованиях.

“Как всеобщая кормилица, земля есть источник сил и здоровья, – писал Александр Афанасьев, – она же растит и целебные травы. Тот, кто приступает к собиранию лекарственных зелий и корней, должен пасть ничком наземь и молить мать сыру землю, чтоб она благоволила нарвать с себя всякого снадобья... Чтобы нечистая сила не поселилась в нивах и не выжила с пастбища стад (то есть не повредила бы тем и другим), хозяева в августе месяце выхоят раннюю зарею на поля с конопляным маслом и, обращаясь на восток, говорят: “Мать сыра земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела”; затем выливают на землю часть принесенного масла. Обращаясь на запад, продолжают: “Мать сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие в смолу горячую”; на юг произносят: “Мать сыра земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью”, и, наконец, на север: “Мать сыра земля! Уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи (сдержи) морозы со метелями”. За каждым обращением льют масло, а в заключение бросают и самую посудину, в которой оно было принесено <...> Это жертвенное возлияние масла и пива имело символическое зна-

чение влаги, проливаемой небом и дарующей нивам урожай; ибо и “масло” и “пиво” были метафорическими названиями дождя. Увлажнённая дождем земля сулила обилие, богатство и счастье”⁶.

Древние славяне-язычники почитали землю как женское начало “божественного” мироздания, а небо – как мужское, и считали, что от совокупления их, выраженного через *солнечную ласку и грозовые страсти*, после оплодотворения небом земли посредством влаги (дожди и росы), рождается всё живое на земле и, прежде всего, хлеб. Нечто подобное происходило в понимании язычников и в человеческой жизни, а посему они напрямую связывали аграрные обряды *поклонения матери сырой земле и отцу-небу* со свадебными обрядами и даже с плотским взаимодействием мужчины и женщины (*плодородие земли – чадородие женщины*).

Порой сии древнеславянские магические аграрные и свадебные обряды сливались меж собой, порождая *аграрно-свадебную* обрядовость. Отзвуки её выявили народоведы и в обрядовой культуре крестьян Восточной Сибири. “Возьмём аграрно-брачные обряды, – пишет Фирс Болонев. – Основное их назначение было связано с двумя понятиями: охраной от зла и идеей плодородия. О магическом использовании зёрен ячменя, овса, пшеницы в календарной и свадебной обрядности известно давно, но находящийся с этим ритуалом в непосредственной связи обычай сбора беременных женщин на свадьбу почти не известен. Он записан автором в с. Анга Иркутской области. Приём симильной магии, дожившей до XX в., по своей наглядности, колоритности и яркости, пожалуй, не имеет аналогов, хотя об участии беременных женщин в свадебной обрядности славян имеются неоднократные упоминания”⁷.

Крестьянские обряды, корнями таясь во временах праславян – скифов-пахарей, – во Владимирово княжение обретя христианское звучание, в самом главном – в одухотворении земли – жили ещё долго, чтобы уж разом умереть. То же крашеное яйцо, освящённое наговорным словом и орошённое *святой живой водой*, задолго до Святого Крещения Руси, когда лишь вызрело само понятие *русская земля*, сияло аграрно-магическим символом плодородия матери сырой земли, чадородия жён-матерей, как являлось и живым, земным знаком солнца, в мистическом сознании язычников имевшим верховную “божественную” силу. Как из яйца чудом чудным, дивом дивным нарождается жизнь, так и под солнцем она нарождается на земле.

* * *

Даже суровые старообрядцы⁸, сплетая древние природные обряды с христианством, не избежали мистического поклонения матери сырой земле, а заодно и предкам, захороненным в ней и якобы имеющим с ней мистическую связь. Об этом писал протоирей Андрей Иоаннов Журавлёв, прибывший вместе с гонимыми старообрядцами в польские земли, на Ветку: “Старообрядцы в день Пятидесятницы (*Святой Троицы, что празднуют накануне Духова дня. – А. Б.*), ложась ниц на землю, слушают молитвы, а священник читает их, на коленях стоя к престолу, зря на восток”⁹.

Небо и земля становятся “церковью”, и некоторые “староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле”¹⁰. Вот так радели иные старообрядцы, якобы в чистоте сохранившие исконное, древнее Православие, в отличие от “нововеров”, что в лихую годину церковного раскола якобы выправили богослужебные книги и церковные обряды на манер греческого Православия, о ту пору испрокаженного.

Мало того, именно у старообрядцев появляются религиозные толки, где прихожане поклоняются матери сырой земле. В XIX веке у семейских Бичуры, Мухоршибири, Большого Куналея (*семейские села в Бурятии. – А. Б.*) образовался таинственный толк “землепоклонников”. Сошлись в нём крестьяне, которые не признавали икон, попов и уставщиков, а поклонялись священной земле как самосвятой. В. П. Мотицкий писал в книге “Старообрядчество Забайкалья”: “Землепоклонники всей семьёй или небольшой группой выходили в поле и там, осенив себя двуперстным крестным знамением, становились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося её о помощи”¹¹.

О землепоклонниках писал этнограф и диалектолог Лазарь Ефимович Элиасов, многие годы изучавший фольклор семейских, подготовивший рукопись “Толки семейских”. Он же писал и о том, что в начале XIX века в семейских селах Окино-Ключи Бичурской волости, Хонхолой и Шаралдай Мухоршибирской волости появился новый толк, получивший название “песочников”, когда при крещении ребёнка употребляли не воду, а подогретый песок.

Л. Е. Элиасов записал от семейских обряд крещения: “Мать держала ребёнка на руках, а уставщик сыпал ему на животик или спинку мелкий тёплый песок. После этого ребёнка осеяли крестом и давали ему имя, затем умывали в тазу, очищали от песка, пеленали и клали в зыбку. Если ребёнок засыпал сразу, то родители были уверены, что он будет здоровым и счастливым, а если не сразу, то его ожидала нелегкая жизнь”¹².

В отличие от общеправославных крестьян, старообрядцы, оберегши до середины XX века даже во внешнем облике исконно славянскую статью, сохранили и многие верования древнеславянского язычества. Историк русской православной церкви Н. М. Никольский писал: “Крестьянская “старая вера” имела мало общего со старой верой профессионалов или посадских людей, и если напоминала старую веру, то старую дохристианскую веру (выделено мною. — А. Б.)”¹³. А. П. Щапов и вовсе с расколом связывал возрождение языческих верований, волхований и чародейства¹⁴. В. Я. Пропп, повторяя языческую точку зрения на староверчество, пишет: “Изучение языческой сущности праздников лишит их ореола святости”¹⁵.

* * *

Хотя после Крещения Руси внешне понятие земли у крестьян стало уже ясно христианским, и без обращения к Богу мужики не приступали к пахоте, севу и жатве, но суеверное, с отзвуками древнеславянского язычества, мистическое отношение к земле долго жило в крестьянском мире, воплощённое в обрядах и обычаях. В земледельческих обрядах ощущалось причудливое сплетение христианского и суеверно-языческого, о чём в книге Сергея Максимова “Нечистая, неведомая, крестная сила” сказано: “Связь человека с землёй устанавливается и Священным Писанием: “Всяк человек — земля есть и в землю отыдет” <...> Земля, куда схоронены кровные и близкие, называется родительскою и считается священной, она могущественна до такой степени, что горсточка её, взятая с семи могил, укрывающих заведомо добродетельных людей, спасает всех родичей, оставшихся в живых, от всяких бед и напастей. Почти такой же силой обладает и вообще родная земля <...> (Ночью суеверные женщины, запрягши честную вдову в соху, опахивали землю окрест села или деревни, славя землю, воля проклятия нечистой силе. — А. Б.) В других деревнях носят образ Св. мученика Власия, признаваемого по всей святой Руси покровителем домашнего скота, и к свечам прибавляют ещё ладан. В Судогодском уезде Владимирской губернии опахиванье предпочитают производить под Духов день, а в иных местах — в ночь на 24 июня, причём поют “Да воскреснет Бог”, проводят сохой крест на всех перекрёстках селения, в копаные ямы закладывают ладан и т. п. <...> В деревнях Нижне-ломовского уезда Пензенской губернии во главе подобного шествия видели старух с иконами Спасителя, Успения Богоматери и медными распятиями на груди, и слышали, вместо стихов заклатья, пение молитв Богородичной и Господней <...> Вера в мать-сыру землю всё-таки сохраняется незыблемо. Даже и там, где, по-видимому, Христово учение успело уже войти в плоть и кровь, стоит снять с языческих обрядов наложенные тонким слоем христианские краски, чтобы обнаружили черты древних языческих верований”¹⁶.

Выражая простонародное отношение к земле, Фёдор Достоевский писал: “Земля у русского человека правее всего, в основе всего; земля — всё, а уж из земли и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и Церковь”. Писатель — не ради красного словца, а из великой любви к русскому простолудью — опрометчиво, ошибочно вознёс землю над Церковью. Церковь Христова — Дом Господень, — Божественная Вселенная, где небо — Престол Божий, а земля — лишь изножье Престола. Лишь изножье...

Русская Православная Церковь долго не на живот, а на смерть сражалась с обоготворением и одухотворением природы, понимая природу как Творение Божие: “не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни древа”. Праведная брань за крестьянские души породила благодатные плоды... Крестьянское осознание природы как Творения Божия нашло мифологическое выражение в великом произведении народной поэзии, повеличенном “Стих о Голубиной книге”.

*Солнце красное — от лица Божнего,
Млад светел месяц от грудей Божих,
Звёзды частые — от риз Божних,
Зори белые — от очей Господних,
Ночи тёмные — от опашня Всевышнего,
Громы — от Его глаголов,
Ветры буйные — от Его дыхания,
Дробен дождик и росы — от Его слёз...*

Постепенно из русской народно-обрядовой этики выветривался языческий мистицизм, и если иные заговоры обратились в стихийные народные молитвы, в поэтические обращения к Спасителю, к Царице Небесной, Божиим Ангелам, святым мученикам и угодникам, то и крестьянские обычаи, обряды, утратив древнеславянскую магию, обрели христианское звучание, и вместо языческих идолов покровителями земли, воды, лесов, дворовой животины и птиц становятся святые во Христе¹⁷. Святая Параскева Пятница — покровительница полей и скота, Святой Мамонт-овчарник — покровитель коз и овец; Святой Никита — гусятник; Святые Флор и Лавр — покровители коневодства; Святые Кирик и Улита — покровители кур; Святые Борис и Глеб — сеятели; Святой Прокопий — жнец; Преподобный Сергий Радонежский — покровитель вод и целебных источников.

Христианизации древнерусских обрядов и обычаев, связанных с поклонением природе — и, перво-наперво, земле, — очевидно, способствовал изначально и сам Новый Завет, из которого православные крестьяне, кроме Христовых заповедей, познали и то, что вочеловеченный Сын Божий, любя ближних, любил и окружающую Его природу, любил и ценил крестьянский труд, о чём свидетельствует даже сам язык Спасителя: образы в притчах Христа взяты из природы, из земледелия и рыболовства. “Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо”; “Емуже лопата в руце Его, и отребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевы же сожжет огнем негасающим” (Мф. 3:10, 12). Вспомним и притчу о сеятеле зерна — Слова Божия: “Се изыде сеятель, да сеет. И сеющу, однаво падоша при пути, и прийдоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнцу же возсиявшу при-свянуша: и зане не имеяху корения, изсохша: другая же падоша в тернии, и възде терние, и подави их другая же падоша на земли добрей, и даяху плод...” (Мф. 13: 3-8). Евангельская образно-языковая система — из природной крестьянской жизни.

С летами, в сиянии православной веры одухотворение, а тем паче обоже-ствление земли меркло, словно ночная темь на алой заре; долго жила лишь обрядовая поэзия, подобная сказочной игре. Несмотря на отсветы и отзвуки безбожных языческих поверий, в земледельческих обрядах побеждает дух православного христианства. Боголюбивый русский крестьянин, отвергаясь поклонения матери сырой земле, без упования на Бога, без молитв Божиим Ангелам, Святым Христа ради не приступает к пахоте, севу, жатве. Молились Царице Небесной пред её иконой “Спорительница хлебов”¹⁸, Апостолу Филиппу, коего Спас испытывал, когда насытил пятью хлебами пять тысяч человек; молились праведным Иоакиму и Анну, Священномученику Харлампию, который даёт плодородие земле, Иоанну Предтече, Крестителю Господню, мученикам, благоверным князьям Борису и Глебу, Святым равноапостольным царю Константину и благоверной царице Елене, мученице Параскеве Пятнице, Святителю Тихону, епископу Амафунтскому.

Перед посевом крестьяне парились в бане, выгоняли из себя тяжёлый грешный дух, надевали в поле чистую посконную рубаху, чтобы чистыми были всходы. А накануне боголюбивые крестьяне молились в храмах, после исповеди причащались Святых Даров. “Сев и подготовка к нему как важнейшие мероприятия в жизни земледельца не совершались без особых обрядов: очистительных, запретных, охранительных и продуцирующих. Например, приготовленные для посева семена нельзя было есть, жевать, так как существовало поверье, что от этого хлеб может не взойти. Ничего и никому нельзя было давать взаймы, чтобы не передать удачу, счастье. Когда опоражничали закром, то в нём запрещалось мести веником из опасения, что в закроме будет пусто. Поэтому выметали в нём тряпкой. По сообщению К. М. Афанасьева (1888 г <ода> рождения), в с. Новая Брянь <...> запрягали коней, у икон зажигали свечи, клали начал (молились), просили у всех домашних: “Благословите”, – а те отвечали: “Бог благословит” <...> В зерна пшеницы клали яйцо, подсыпали куриный помёт и говорили: “Дай, Бог, на всякую долю – мне и птицам”.

По сообщению С. И. Жерлова (1888 г <ода> рождения), в Новой Бряни, выезжая на посев, совершали следующий обряд: “Зажигают свечи у икон и кладут начал, читают Богородицу – 3 раза, варят 7 яиц, из них 3 яйца раскладывают в семена, одно кладут на божницу. И оно лежит весь год, а остальные старшим в дому отдают. Приехав на пашню, кладут 3 поклона на восток. Это так заведено со старины, а зачем – не знаю” <...> В Тарбагатае, по сообщению А. К. Думновой (74 лет), в первый день сева разговлялись яйцами, а в семена крошили яйца, которые целый год пролежали на божнице <...>. В Архангельском, по сведению супругов А. В. и Ф. К. Куприяновых, в ярицу перед посевом клали три варёных яйца и вербу; сея, разбрасывали их по полю из первого мешка. Это делалось для того, чтобы “не было никакого гнуса и урожай был бравый”¹⁹.

Всё это живо видится, потому что так жили в старину почти все крестьяне, кроме тех, кои отлучились от земли и, скажем, привадились к охоте, рыбалке, мелкому ремеслу либо к отхожему промыслу.

Сергей Максимов запечатлел народно-православный земледельческий обряд, предшествовавший севу зерновых: “Поставлен на поле стол, покрытый чистой скатертью. На нём серебрится на солнышке водосвятная чаша, желтеют свечки и сереет большая коврига печёного хлеба. Перед столом полукругом стоят бородачи с иконами в руках, закрытыми полотенцами. Против них поместился священник с причтом, а за ними и весь этот народ, от чрева матери обречённый в поте лица своего снести хлеб свой. Молебен отпели: толпа зашевелилась и загудела, как пчелиный рой. Подали священнику севалку – лукошко с веревочкой, чтобы ловко было перекинуть её через плечо, – берёт он из неё горсть сборной ржи от каждого двора и ловко, привычной рукой разметывает зёрна по пашне. Затем идёт он краем поля, поперёк всех загонов, и кропит все полосы святой водой. И чью полосу окропляет, тот хозяин крестится, а иной ещё сверх того шепчет про себя, какую знает, молитву <...>.”

При посевах всяких сортов хлеба великую роль играет так называемая “благовещенская” просфора, которую крестьяне или получают кусочком из рук священника при раздаче в конце обедни антидора, или сами подают за евхаристией, чтобы вынули части за здоровье живущих и за упокой умерших. Просфору эту или кладут в сусеки, чтобы увеличить силу плодородия зёрен, или на дно лукошка-севалки и в мешки с зерном. По окончании же сева просфору делят между семейными и съедают <...>.

И нет сомнения в той святой истине, какая исповедуется всем русским миром, что “земля любит навоз, как лошадь – овёс, как судья – принос”. “Для того и кладут навоз, чтобы больше хлеба родилось, а полбу, чтобы людям годилось”. “Где лишняя навозу колышка, там лишняя хлеба коврижка”. “Какова земля, таков и хлеб”. О даровании же хлеба насущного на худых и холодных землях молят в умилении сердца и преклонив колена в церквах, в избах и на зелёных полях – на последних, когда показалась весёлая и радостная улыбающаяся зелень всходов. Широко и размашисто кладутся крестные знамения и во всю трудовую спину – поясные поклоны. Звонко, с восторгом разливаются голоса поющих молебен. Искреннее увлечение всех предстоящих очевидно: все настроены благоговейно. Но в то же время кто может поручиться за то, что если бы была своя воля действовать, то не вырвались бы

толпой бойкие бабы, не сбили бы священника с ног и не начали катать его по зеленым, а сами кувырнуться рядом, пожалуй, даже и с приговором: “Нивканивка, отдай твою силку, пусть уродится долог колос, как у нашего батюшки-попа волос”²⁰.

* * *

У матери сырой земли свой особый праздник: в Духов день земля именинница – от рассвета до рассвета никто не смел ни пахать, ни сеять, даже колупать носком чуни – и то было грешно: руки отсохнут, и ни жене чадородия, ни земле плодородия не видать, как своих ушей; и целовали землю – кормилицу, поилицу, утешительницу, – с молитвой становясь на колени.

“Весною, когда земля вступает в брачный союз с небом, поселяне празднуют в её честь Духов день; они не производят тогда никаких земляных работ, не пахут, не боронят, не роют землю и даже не втыкают кольев, вследствие поверья, что в этот день земля – именинница, и потому надо дать ей отдых”²¹.

В Духов день “по православным деревням обязательно служатся всенародные молебны. Народ собирается к часовням, толпится на площадках и окропляется святою водою не потому, что в эти дни совершаются молебствия по случаю избавления от бед, а потому, что в эти дни мать сыра земля бывает именинница. На Духов день, по объяснению, доставленному из Вятской губернии, земля потому именинница, что в этот день она сотворена (Господом. – А. Б.). Считается <...> грехом беспокоить именинницу, и крестьяне, нисколько не стыдясь и вовсе не скрываясь, припадают на колени и по нескольку раз целуют землю <...> на всей Руси великой крестьяне строго придерживаются правила, что в эти дни никто не смел ни копать, ни рыть ям, ни пахать полей. Делается это для того, чтобы не обидеть кормилицу-землю и чтобы не осерчала она, и без того своенравная и капризная, тугая на подъём и скупая на милости”²².

Ветхорусские крестьяне, по неграмотности не читавшие Священное Писание, а токмо внимавшие батюшкам на службе либо, увы, вольным, легендарным, мифологическим толкователям Писания, вольно толковали и день рождения земли.

В Духов день крашенные луковой шелухой яйца, пролежавшие на божнице год возле пучка вербы, крестьянин зарывал в землю и, крестясь на восток, молился об урожае. Те же пасхальные яйца крошил в семенное зерно и запахивал их в первую борозду, чтобы градом не побил хлеб, чтобы ползучая и летучая тварь не заела, чтоб щедровитым уродился хлебушек.

Народно-православная земледельческая обрядовость породила и стихийные молитвенные обращения к Богу, Царице Небесной, Христовым Апостолам и Святым угодникам, пророкам, блаженным, страстотерпцам, святителям. Сергей Максимов в девятнадцатом веке записал со слов крестьянина мистический обряд – стихийно-молитвенное обращение к Илье-пророку, где уже нет языческого обожествления земли: “В некоторых местах (даже под самым г. Орлом), когда выходит засевавший в поле, то, снявши шапку, молится на восток: “Батюшка Илья, благослови семена в землю бросать. Ты напои мать сыру землю студёной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его мне большим колосом”²³.

* * *

Эпоха советского богоборчества, истребляя из русской души веру во Христа Спасителя, попутно истребила из души и мистическое поклонение матери сырой земле. Но на закате прошлого века, на заре грядущего, когда ожили православные храмы, стало оживать и очищенное от суеверий молитвенное отношение к земле – ниве хлебодной.

Вспомнилось близкое: после Рождества Христова и до Пасхи Господней мы, иркутяне, прихожане Михайло-Архангельской (Харлампиевской) церкви, готовились совершить паломническое путешествие в Забайкальский край, к землям бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря. В Чикойских горах, на высокогорной елани, поросшей буйным разнотравьем-разноцветьем, век назад подвизался преподобный Варлаам Чикойский; там православные обрели его святые мощи. “Препояши мя, Господи, силою Твоею свыше на вся вра-

ги видимыя и невидимыя, и буди ми покров и заступление”, – в согласии с молитвенным правилом преподобного Варлаама мы и совершили паломническое путешествие.

По дороге посетили церкви Забайкалья, святые обители православного Прибайкалья – Свято-Троицкий Селенгинский монастырь и Спасо-Преображенский Посольский монастырь. Прибыли в старорусский купеческий град Верхнеудинск (ныне – Улан-Удэ), где прошли детство, отрочество и юность духовного вдохновителя и руководителя экспедиции протоиерея Евгения Старцева, настоятеля Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви.

Из Верхнеудинска тронулись на Кяхту...

Вздыхая на таёжный хребет, в златоствольные сосняки, и за ветровым стеклом машины вольно распахивается Гусиное озеро; видятся в сизоватом мареве трубы Гусиноозёрской ГРЭС и сам город Гусиноозёрск, как и многие провинциальные города России, полвека назад богатый и процветающий, а ныне – лет двадцать назад – брошенный властями на произвол безжалостной судьбы и пребывающий в удручающем упадке и запустении. Изрядная часть трудового люда от бескормицы уковала, за гроши продав свои квартиры, другая часть перебивается с хлеба на квас, и дотягивают свой век пенсионеры. Вдоль степного берега озера, словно после бомбёжки, угрюмо чернеют остовы и печи разорённых дач. И далее – мать-сыра земля, ныне, как и по всей России-матушке, брошенная, заросшая травой-дурниной.

Весь паломнический путь мы беседовали с отцом Евгением о судьбе забайкальских приходов, кои мы посещали и где батюшка либо служил молебн, либо возглавлял крестный ход, либо проводил беседы по строительству новых и реставрации старых церквей.

От берегов Гусиного озера без привалов доехали до купеческой Кяхты, процветавшей в старые добрые времена, стоящей на известном всей России “чайном и шёлковом” торговом пути. Здесь батюшка служил настоятелем в Успенском храме, будучи одновременно настоятелем и нескольких сельских приходов – в сёлах Тамир, Ивановка, Кудара-Сомон, Усть-Кяхта. И о ту пору, и поныне, к прискорбию нашему, в забайкальских сёлах острая нехватка сельских попов.

Тамир? – древнематёрое русское село, словно чудом выплывшее из семнадцатого века... Улицы уставлены сплошь дородными бревенчатыми избами с рублеными фронтонами – явный признак старинного изысканного зодчества. И, может, потому, что деревня вытянулась вдоль широкой, насквозь продуваемой долины, усадеб едва коснулась гниль. Да и, слава Богу, хозяева обихаживали дедовские избы, отчего они и не ветшали, не вращали в землю-матушку. В отличие от других сёл и деревень, немного высмотрел я в Тамире брошенных усадеб, как мало увидел и нынешнего убогого новостроя; из поколения в поколение жили и живут многие тамирцы в могучих хороминах, рубленных дедами и прадедами.

О деревенской судьбе мы беседовали с главой сельской администрации, старостой здешнего церковного прихода Юрием Климовым. А судьба Тамира, как и прочих российский сёл и деревень, словно жизнь, когда хоть помирай ложись: молодёжь бежит из села в город притче, нежели в советские времена, ибо нет работы – почти все колхозы-совхозы рухнули. Доживают тоскливый век пенсионеры – мало-мальская пенсия есть на хлеб и чай, да огорожина и подворная скотина выручают. Иные молодые, коим некуда бежать из села, пьют беспробудно; как и во всех российских деревнях и сёлах, шинкарки, наживаясь на великом русском горе, бойко торгуют дешёвым контрабандным спиртом, в народе прозванном “палёный, катанный; палёнка, катанка”. Другие молодые пашут от темна до темна, не разгибая спины, дабы свести концы с концами; держат полное подворье скота: десять-пятнадцать-двадцать коров, тёлочек, бычков, с пятюк, а ино и десяток лошадей, что летом пасутся в долинах рек, а зимой копытят на полях, где ветер выдувает снег. За тридцать лет супостаты, фармазоны, полонившие Россию, до нитки ограбили страну, и ныне бесом избранные с жиру бесятся, а простолюдые, тем паче крестьяне, с кваса на хлеб перебиваются. Но о том в ином очерке.

Речь шла о хлебе насущном, что круто позолен крестьянским потом; но и с духовным хлебом у нынешних крестьян разлад. А Господь рек: “Не хлебом единым будет жить человек, но всяким Словом, исходящим из уст Божиих” (Мф. 4:4).

Хотя в иных районных и малых селах возродились церкви, где батюшки, чаще наезжие, служат Пасху Христову и великие праздники да от случая к случаю крестят, отпевают, исповедуют, причащают, соборуют, тем не менее народ деревенский не спешит в храмы Божии, приглядывается: не маскарад ли?.. В своё время крестьянский писатель Валентин Распутин сказал: де, сколь трудно было сельского жителя отлучить от Православной церкви, столь трудно будет снова его в церковь залучить. Помните, “Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдёте в Царство Небесное” (Мф. 1:3). Русские крестьяне – суть дети земли, с коими властям, мирским и духовным, и надо обращаться искренно, любя восхитительно и сострадательно, но и держа в крепкой отеческой руке, понуждая к добру где лаской, а где и таской. Деревенский люд, по-детски искренний, рядиться в Православие и фарисействовать не будет, а придёт в церковь, лишь поверив в полную душу в Отца и Сына и Святого Духа, в бессмертие души, в Царствие Небесное с раем и адом. Для крестьян, как в Благой Вести: “... Да будет слово ваше: да – да; нет – нет; а что сверх того, то от лукавого” (Мф. 5:37).

Покаюсь, за вечерней трапезой у тамирца Юрия Климова я, многогрешный рабичишка Божий, забыв о смирении, послушании, почитании священнического сана, вступил с отцом Евгением в перебранку, защищая нынешних крестьян, которые, увы, пока ещё проходят мимо сельских церквей: иные не в силах справиться с материализмом, который вбивали в их разум с отрочества, иные от лености души, иные от беспробудного пьянства. Справедливо укорял батюшка хмельных, ленивых, безбожных селян, а я оправдывал: бывший деревенский парень, жалел я несчастных сельских жителей, которых испокон русского веку ломали через колено – крепостное право, коллективизация и раскулачивание крепких хозяев, а когда селяне привыкли к совхозам и колхозам, обрета в них былую общину, когда расцвело село, власть жестоко порушила коллективные хозяйства, кинув крестьян на произвол безжалостной судьбы; и уйма крестьянских малосемейных дворов, отвыкших выживать единолично, погрузились в беспросветную нищету и пьяную тоску. Одыбаются ли село, вернётся ли в храмы – Бог весть... Одна надежда: сельские души, если и пустые, то чистые, не исписанные демонскими письменами мудрости мира сего, как у интеллигенции, когда уже нет вольного поля для Глаголов Божиих. Опять же, если интеллигенция приходит к Богу, читая духовные книги, то рабоче-крестьянское простонародье обретёт былую православную веру лишь по слову священника, а батюшка духом, душой, житейским образом должен быть достоин Слова Божия. Для русского простолюдья Бог, церковь, поп – едино, и приходской пастырь, желающий обрести паству, жаждущий, чтобы поучения его “падоша на земли доброй, и даяху плод...”, обязан и жить-то жизнью, близкой жизни прихожан с их заботами-хлопотами, с их радостями, с их нужей и стужей, и быть ещё и нравственным образцом в своём некорыстном, бесребренном, нелукавом служении Богу. Иначе простолюдьё лишь усмехнётся, слушая лукавого батюшку: *сладко в рот, да горько в глот; поёт добро, творит зло*; а грамотей и на Писание сошлётся: “Люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня” (Мф. 15:8).

Переночевав в селе Тамир, уехали в село Ивановка, где отец Евгений совершил молебен в строящейся сельской церкви, а потом возглавил крестный ход по ивановским полям, смертельно страдающим от затяжной засухи. И – воистину по молитве и Промыслу Божию! – когда наш крестный ход подходил к завершению, когда батюшка под хилое пение ивановских прихожан, смиренных на палящем солнце, освятил-таки поля вдоль семикилометровой дороги, разверзлись небеса Божии, и на посевы тёплым потоком хлынул дождь. Излилась благодать Божия на хлебородную плоть матери сырой земли.

* * *

Своя земля и в горсти мила... Уходя из деревни в чужедальние края, – в город ли, на отхожий ли промысел, на войну ли, – крестьяне брали зашитую в тряпичную ладанку родную землю: щепоть из-под печки, чтоб не забыть тепло и добро родной избы; щепоть из-под приворотной веревки, чтобы помнить ход на подворье; щепоть с росстаней дорог, чтоб не заблудить на жиз-

ненных путях и перепутьях и не забыть дорогу в родные земли. *“И никому-то не хотелось лечь на чужой стороне, всякий-то про свою родину думал и, умирая, слёзно молил товарищей, как умрёт, снять у него с креста ладанку да, разрезавши, посыпать лицо его зашитой там русскою землей. . . У меня одного ладанки с родной земли не бывало. . . И востосковалось же тогда сердце моё по матушке по России”²⁴.*

Не сдуру для слепого, хладнодушного исполнения древних заветов, не для лукавой потехи, а ради душевной утехи рядом с нательным крестиком в сумочке с ладаном — в ладанке — прела на груди щепотка земли: земля родимая, освящённая крестом и Христом, от всех бед и напастей *отворотит*, а странника избавит от сухоты-кручины по родине. Крестьяне, прости им Господи, в первые века после Святого Крещения ещё верили в *приворотную* силу и *отворотную*, как, увы, язычески одухотворяли и землю, наделяя ее самосвятостью. *“Третья (первое — небо, вторая — вода. — А. Б.), по старинному счёту, мировая стихия — земля — почтена наивысшим хвалебным эпитетом: с незапамятных времен она называлась “матерью”, и у всех народов, в том числе и у нас, русских, была возведена на степень божества”²⁵,* — писал народовед Сергей Максимов.

Обороняли и спасали душу лишь молитвы к Богу и Святой Троице, к Царице Небесной, Божиим Ангелам и Архангелам, ко всем святым, во Христе просиявшим. Не спасала земля, просолевшая потом в ладанке, не отводила шальную пулю, но крестьяне полагали: от иных напастей и оберегала, ибо не давала забыть отчую землю — землю *отичей* и *дедичей* — и, томя память светлой печалью, совестила, уводила от греха. А коль с грехом разминулся, то и горе, и погибель стороной пройдут, испугаются, яко чёрт креста с ладанкой. Эта же, плачией оплаканная, намоленная землица напоминала о покинутой земле предков, о ждущих родителях, исподволь наказывала слезливым материнским шёпотом: ох, не лезь, парень, поперед батьки в пекло, берегись, сынок, не суйся лишний раз туда, куда не просят; себя не жалеешь, так нас пожалей, отца с матерью, — сам пропадёшь и нас по мирупустишь. Эдак святая, всемогущая сила земли русской, сила любовной памяти о ней спасала мужиков от гибели, от потери лица человеческого.

А вот другой, не менее распространённый обычай в крестьянской среде, поведанный Сергеем Максимовым, знатоком народных обрядов: *“Особенное отношение нашего народа к матери — земле сырой — выражается, между прочим, в так называемых земных поклонах. В старину русские люди при встрече с наиболее уважаемыми людьми кланялись до самой земли, касаясь до неё лбом, или, взамен того, ударяя оземь шапкой. . . Сын, дерзнувший оскорбить на миру мать или отца, обязательно целует землю после того, как произнесёт клятву, смотря в небо и перекрестясь троекратно”²⁶.* Бытовал и такой обычай: клялись на земле — щепоть её съедали в подтверждение данной клятвы, и уж не было твёрже слова, даже клятва на крови — и та не равнялась с земным словом. *“В старину на Руси вместо обыкновенной присяги долгое время в спорных делах о земле и межах употреблялся юридический признанный обряд хождения по меже с глыбой земли”²⁷,* — писал Александр Афанасьев, знаменитый собиратель русских народных сказок, автор выдающегося исследования *“Поэтические воззрения славян на природу”*. Воинственные древние русы чаще клялись на крови, а после Святого Крещения, клянясь, осеняли душу крестным знамением и целовали крест.

Долго крестьяне не расставались с древними *земными* повериями; до начала XX века выжил старинный обычай, когда супостатов, отвеку и поныне зарившихся на Русь, и татей дорожных, и тяжко прегрешивших пред крестьянским общинным миром, одолевши, заставляли грызть землю — молить прощения у матери сырой земли и у рода-племени, пуповиной сросшегося с нивой. Недаром было распространено и выражение такое, произносимое в сердцах: и как тебя, супостата, земля носит?! чтоб тебе провалиться сквозь землю!

Помянем былое: дымом и полымем исходила Москва, лилась кровь братьев во Христе, сиротливая, вдовья Русь коченела в сугробах от холода и гладя, и русские воители посулили французам в слезах и в сердцах: заставим вас, супостатов, землю грызть. И те грызли. Грызли землю, оледенелую и отчуждённую, скребя сорванными в кровь, отмороженными ногтями, — грызли и, может быть, каялись, просили у земли русской милости.

Крестьянская любовь к земле – целомудренно затаённая, дабы всеу не истрепать, светлая и нежная, подобная мужней любви к жене богоданной и чадородливой, – любовь сия выразилось даже в том, что в первой половине прошлого века, когда создавались колхозы, среди забайкальского крестьянства (и особо – среди старообрядческого) явились вдруг сохачи, пашущие землю лишь сохой²⁸.

В словаре Элиасова есть пояснение этого слова, вошедшего в забайкальский говор: “Сохач – крестьянин, отказавшийся пахать плугом, не признающий техники в сельском хозяйстве, приверженец сохи”²⁹.

Вероятно, забайкальскому сохачу-оратаюшке больно было... аж мороз по коже пробегал, и холодело под ложечкой... томительно было даже вообразить, как вонзятся тяжёлые железные плуги в мать сыру землю – словно в его собственную плоть, – изрежут, избороздят её, вывернут наружу глину, завалив животворный слой; тогда как соха – лёгонькая, деревянная, – по мнению сохачей, вроде не пашет, а ласкает, бодрит, расчёсывает нивушку.

“Как орёт в поле оратай, посвистывает, // Сошка у оратая поскрипывает, // Омешики по камешкам почиркивают...” Так пашет, а сказывая былинным слогом, орёт крестьянин Микула Селянинович, с силушкой которого не мог равняться и святорусский богатырь Святогор, а Илию Муромца, тоже крестьянина, оратай Микула посадил в карман вместе с борзым конем³⁰.

Соха ласкает нивушку... Со времён ли скифов-пахарей, или от эпохи древних русов и славянского племени полян сроднились наши пращурь с сохой из дубового корня, а потому и нелегко было от сохи махом и отречься; впрочем, семейские мужики, будучи расторопными и умудрёнными, первыми в Забайкалье стали пользоваться плугом – легче вздывать целину, тем паче на таёжных еланях и после корчевания леса.

Соха... Любомудрое, краснопевное русское крестьянство поклонялось сохе, пословице-поговорочко, загадочно выразив благодарственные поклоны: *Богу молись, крепись, да за соху держись; полюби соху, будешь с хлебом; кто ленив с сохой, тому весь год плохой; у матушки сошки – золотые рожки; держись за сошеньку, за кривую ноженьку; держись крепче сохи да бороны; было бы поле, найдём и сошку; веретеном оденусь, сохой укроюсь; соха кормит, веретено одевает, а подати на стороне; не давай коня в соху, не пускай жену в свахи; летела пава, села на припале, рассыпала перья по всему полю (соха, которая пашет); тулово рябино, хребет собольный (соха); баба яга, вилами нога: весь мир кормит, сама голодна (соха).*

Можно нынче драть нос перед ранешним сохачом, можно ухмыляться над его наивностью – мы долго над всем родным дедовским ухмылялись, даже лица покоробило, повело от вмерзших в лицо ухмылок, и лишь теперь, вспомнившие вдруг родство, спохватились, захотели приглядеться к дедовской жизни, да уж мало что видно; можно посмеяться над сохой и над сохачом-оратаем, словно над есенинским дуралеем-жеребёнком, вздумавшим угнаться за “железным конём” – паровозом, но грех забывать то, что движимы были сохачи-оратаюшки, как и приверженцы древних земляных обрядов, перво-наперво любовным, сыновним и дочерним поклонным отношением к матушке-земле. Впрочем, в приверженности к сохе имелся и резон: вспомним неглубокую, безотвальную вспашку в хозяйстве народного агронома Терентия Мальцева; вспомним его неодобрительное отношение к тяжёлой, убивающей землю в камень, грубой технике, к избытку химических удобрений; вспомним попутно и о щедрых урожаях на мальцевских полях. И таилось в страхе сохачей перед техникой и некое далёкое, скорбное предвиденье трагедий технической цивилизации, коя, хлебом-солью приветив антихриста, стремительно приведёт мир к концу.

Велика тяга земная...

Вспомнилось... Едва стоял снег, и на солнопеках стеснительно, робко пробилась младенческая травка, набухли почки, березняки потянулись голубоватым маревом, и гужом повалил народ из каменной духоты на лесные про-

сторы и дачи, что только-только проснулись от зимней спячки. Манит мать сыра земля – дивное Творение Божие... Закурились дымки на усадебках, поплыл горьковатый запах горелого листа, мурашами забегали дачники меж грядок, парников и теплиц, подкармливая землю перегноем и назьмом. Для пожилых дачников с их христорадной пенсишкой картошка-моркошка, и всякий овощ – ладное подспорье, с голоду не пропадёшь. Вижу диво: по лесному дачному проулку тихо шуршит лаково блестящая, похожая на майского навозного жука заморская легковуха – “Мерседес”, поди, – прикидываю я: коль сроду не держал в руках баранку, все иномарки для меня – на одну заморскую харю. Крышка багажника открыта, а в багажнике... навоз. Я, вечно мотаясь в садоводство на электричке, дивлюсь: имеющий эдакий лимузин мог бы запросто купить той же картошки-моркошки, тех же цветов садовых, ан нет – самому охота сеять, в земле ковыряться. Манит мать сыра земля... И видится: перелопатит мужик навоз из багажника в огуречный парник, истопит баньку, выхлещет березовым веничком устал и унынье и, не чужа плоти тихо ликующей душой, притулится к песенному застолью, и вдруг потянет дивом дивным явленное в душе: “Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним...”, и сквозь слёзную наволочь вдруг узрит испоконное: сизый туман пасётся в речной долине, а на солнопечном взгорке оратай Микула Селянинович листовичным корневищем раздирает целый под пашню, весело судачит с мохногим деревенским меринком, и вольный ветер гуляет в русской бороде, полощет холщовое рубище, бодря закомлевшую распаренную плоть.

Микула Селянинович... Да, не родилось на земле сословия сильнее крестьянского, ибо крестьянин несёт крест Христов... Илья Муромец³¹ – сын пахотного мужика Ивана Тимофеевича из села Карачарова, что под городом Муромом, отчего поганые да обезбоженные бояре дразнили Илию деревенщиной. Богатырь Илья Муромец в героическом русском эпосе – обобщённый образ русского народа: крестьянин по родове и духу, казак-шлемоносец по ратной службе, оборонитель Святой Руси, защитник вдов и сирот, а на склоне жизни – покаянный инок, замаливающий смертные грехи, скопленные в казачьей вольнице, и в глубокой старости – Святой, в Земле Российской просиявший, чьи нетленные мощи покоятся в дальних пещерах Киево-Печерского монастыря.

Будучи по роду-племени, по натуре до скончания века деревенским мужиком, Илья обладал исконным и законным правом молвить слово и сражаться от имени всего народа русского, который, напомним, ещё в начале двадцатого столетия на все девяносто процентов жил крестьянским миром и ладом. По чудесному исцелению, обретению богатырской силы былинный Илья Муромец – крестьянин-землепашец: корчует лес под пашню, выдирая дубы с корнями, удаляя громадные камни. В акафисте преподобному Илие Муромскому воспевается: “Силу великую почуяв в себе, Илие, испив чашу чудодейственную, яко мощи ти горы представляти и древа дубравная из земли исторгати, рече о сем странником, вопрошающим о явлении силы твоя, и в радости воспел Спасителю: Аллилуйя”.

Ведомо, могучностью Илью превосходили лишь Святогор и пахотный крестьянин, оратай Микула Селянинович. Святогор... его со стоном и слезьми носила на себе мать сыра земля... мог Илию вместе с конём посадить в карман, но даже Святогор не тягался с природным пахарем Микулой Селяниновичем. Да и какое там тягаться, Микулину сумочку переметную и ту...

*...не мог пошевелить;
Стал здымать обема рукама —
Только дух под сумочку мог подпустить,
А сам по колена в землю угрыз...*

Ибо таилась в Микулиной сумочке тяга земная, одному оратаю Микуле Селяниновичу подсильная. Недаром Божьи посланники, калики перехожие, напоившие Илию святой водой, и те упреждали богатыря:

*Не бейся с родом Микуловым,
Его любит матушка сыра земля...*

Грехи, тяжкие преступления в русском (паче старообрядческом) крестьянстве — преступления перед землёй: непочтительное, равнодушное, нерадивое отношение к ниве хлебодородной, к сенокосным угодьям и пастбищам. За эдакие грехи мужиков в Забайкалье *потчевали земляникой*, — нещадно пороли плетями. В словаре Лазаря Ефимовича Элиасова есть толкование сему слову: “Земляника — наказание крестьян плетями за плохое отношение к земле”. Для пушшего уяснения “земляники” можно прочитать и воспоминания забайкальских крестьян, приведённые в своей книге Лазарем Ефимовичем: “Выходит староста из соборни, — поминает крестьянин Орлов, — подходит к мужикам и говорит: кто сёдни должен землянику получать? — Вот им надо дать землянику. Хлеб у них на пашне наполовину осыпался”. А вот жалуется — жалуется, похоже, без обиды — другой забайкальский мужик — Катков: “Поугощали нас, бывало, земляникой. Мой-то отец землянику не получал, а его братанник четырежды штаны спускал”. Ещё обстоятельнее растолковывает дело крестьянин Кобелев: “Староста появлялся перед мужиками и говорил, чтобы Ивану или Поликарпу дать земляники. Землянику получали те мужики, что поздно засевали поля, с опозданием урожаем собирали”. “С полсотни земляник получишь, — вспоминает Меркушев, — так с месяц не присядешь”.

Что особо примечательно и поучительно для работников сельского хозяйства — *земляникой потчевали* за дурное отношение даже не к общинной земле-кормилице, а к частной, к той, кою мир отмежевал тебе под пашню, сенокос, пастбище. Если бы подобное наказание дивом дивным возродилось вновь, то скольким бы агрономам, председателям, директорам, а тем паче — сидящим повыше пришлось бы спускать штаны и ложиться на лавку в ожидании “березовой каши”³². Отведали бы, чем пахнет земляника, и иные учёные, и долго бы не садились за письменный стол и не писали бы жестоковывных бумаг, не спускали бы на безропотные мужичьи головы вредных инструкций. Даже я помню времена, когда у нас в районе на вечной мерзлоте велели сеять достопамятную кукурузу.

Нравственное отношение к земле среди забайкальского крестьянства впадало — по нынешним понятиям — и в крайности. Помню, ветхий старик из большой, расхристанной деревни толковал, что при размежевке мир не давал земли суразу — парню, *которого мать на меже подобрала и в подоле принесла*, — словом, в блюде прижила. Лихо жилось суразу, коль не ведал он богданного отца, родился от проезжего молодца; не солью посыпал — слезами поливал чёрствый хлебушек сельский обсевок, от чего и народилась горькая поговорка: “Что я в поле за обсевок?..”

— Но сын-то не виноват! — не внемля древнему старику, с молодой запальчивостью перечил я. — Сын-то за мать не ответчик!.. Дикость..

— Дикость, паря, али не дикость, Бог весть... — старик усмехнулся, — думали, другим девахам неповадно будет. Ты, дева, сперва подумай головой, какую ты жизнь ладишь нагулянному чаду, опосля грехи, коли греха смертного не страшишься. Тебе утеха любодейная, а суразу — маета пожизненная. Прикинешь, да, глядишь, и не станешь лишний раз подолом трясти, по кустам шастать. Лучше уж по-руськи, по-божецки, с венцом, тогда и чадо землёй не обидят. А за углом... — собачья сбегишь — снюхались, повязались, яко псы. Но, паря, бывалочи, ежли сураз путний, не то, что... в поле ветер, в заде дым, дак и отстаивал сход, и обсеvu земли давали.

Суровые, на теперешний взгляд, жестокие законы властвовали в крестьянском и, особо, старообрядческом миру: взять хотя бы *поругание* — старинный обычай у семейских, когда тяжко прегрешивший перед Богом, народом, матушкой землёй был *поруган* — опорочен на миру. Неверной девушке остригали волосы, изменившей жене брили голову, на вора набивали колодки, а уж про порку и речи нету — долго не чикались: согрешил перед землёй, перед миром — скидывай штаны и не разговаривай; отведаешь плетей или виц — наперёд заречёшься.

— Натерпелись мы поруганья от стариков; чуть что — сразу поруганье, вот и сраят тебя перед всем миром, — вспоминал со вздохом старик, а потом с ехидцей прибавил: — Зато теперичи браво: и девка гуляй, и баба хвостом трепли, и мужик воруй, не попадайся, — мир не осудит, старики поруганье не наложат. А уж за землю никто тебя не укорит, никто *земляники* не даст.

Так ещё до середины XX века русские народно-этические понятия *доброй, худой человек* основывались, прежде всего, на отношении человека к земле, и высшей похвалой было: *человек земляной, на крестьянскую колодку шитый*.

* * *

Ведомо, что среди российского крестьянства, а уж тем паче забайкальского, старообрядцы (семейские) выделялись непревзойдённым земледельческим талантом, а в основе таланта — азартное трудолюбие, крепкий домострой и сбережённый многовековой хозяйственный опыт. Замечательные книги написал о старообрядцах известный сибирский учёный-этнограф, доктор исторических наук, уроженец семейского села Большой Куналей Фирс Федосович Болонев, архивные материалы которого использованы в данном очерке. Так, в книге “Народный календарь семейских Забайкалья” читаем: “Семейские принесли в Забайкалье богатые трудовые традиции, многовековой крестьянский опыт, наблюдательность и смекалку земледельцев, прилежание и любовь к земле, стойкость перед невзгодами, деловой практицизм и трезвый расчёт...”³³.

Старосельские люди говаривали: не ведали бы счастья, да несчастье помогло. От насильственных переселений старообрядцы развили редчайшую способность осваивать землю под хлеборобную пашню даже в краях предельно рискованного земледелия, где морозы — за сорок и скудные, каменистые почвы. В 1772 году академик П. С. Паллас тщательно исследовал поселения семейских в Забайкалье и пришёл к выводу: “...Селенгинская страна и другие в рассуждении их обширности никогда не могут столь быть многолюдны и хлебом обильны, как другие сибирские места, не слишком к северу близкие, при этом везде сверх крутых гор по долинам и косогорам весьма каменисто или чрезвычайно песчано. Так что кроме кочующих народов, каковы бурета и тунгусы, никакому другому тут жить не можно”³⁴.

Но Паллас ошибся. Семейские не токмо прижились в “селенгинской стране”, но освоили под хлебородные нивы даже горные покати. Изучая дальше семейское крестьянство, Паллас уже пишет о том, что выведенные из Польши староверы “по лесистым горам не без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеха расширяются. Оне имеют довольно хлебопашество (это уже через 6 лет после их поселения за Байкалом! — А. Б.), а жалуются только, что по подлежащим сенокосам немного для скота травы родится, которым напротив того оне уже довольно развелися...”³⁵. В этом же сочинении Паллас сообщает, что семейские первыми среди сибирского крестьянства стали использовать плуг, которым пашут “гораздо глубже и лучше коренья подсекают, нежели русскою сохою”³⁶. Соха добра на старых пашнях, а целик подымать малосильна, плугом сподручнее.

О хлебопашестве старообрядцев за Байкалом восхищённо отзывался и А. Мартос. Он писал, что оно достигло “высочайшей степени совершенства. Многие оратаи засевают хлеба по сту десятин. Рожь родится сам-десять, яровой хлеб обыкновенно — двадцать зёрен”³⁷. Заведение “польскими поселенцами”³⁸ устойчивого хлебопашества в Забайкалье необходимо было не только для того, чтобы прокормить себя: “...семейские должны были обеспечить Нерчинские рудники хлебом, в котором тогда ощущалась очень большая нужда”³⁹.

Хотя за Байкалом земли вдоволь, тем не менее, резали наделы строго, абы, перво-наперво, не утеснить бурятские роды (им с широкого царёва плеча выделяли по 80 десятин земли на душу мужского пола), потом — казаков (им — по 40 десятин), а уж крестьянам — по 16 десятин. Но если *сибирякам* (так семейские и “польские” поселенцы звали общеправославных, укоренённых в Сибири) могли дать и плодородные земли в долинах рек, то раскольников, случалось, загоняли на неудобьи, где трудно и помыслить о хлебопашестве. Коль у бурят оказалась изрядно доброй земли — долины, степи, тайга, — то семейские брали у них в аренду на 40 лет тайгу, и часть её разделявали под пашню.

Разумеется, освоение малопригодных для хлебопашества земель стоило семейским и огромного физического напряжения, и духовной стойкости, по-

скольку и тут власти, почитавшие их раскольниками, не давали покоя. Сообщая о старообрядческих пашнях, М. Геденштром пишет: “Бывший тогда селенгинский обер-комендант поручил одному майору отвести им под поселения земли. Сей, по ревности своей к Православию, ненавидя их, отвёл им леса и горы, предполагая усугубить их нещастие. Но благое Провидение неправедное усердие его обратило в пользу старообрядцев: с несказанным трудом расчистили <они> густые леса, и приобретённые пашни вознаградили их с лихвою... Лучшие пашни их расположены по высоким горам, и к некоторым из них можно достигнуть с трудом по крутой узкой тропе”⁴⁰.

Путешественники, побывавшие в староверческих селениях Забайкалья, писали о надсадном труде, о воловьей выносливости, благодаря коим возделывались земли высоко в горах, куда плуги, сохи и бороны завозили верхом на лошадях и где пахали в одну борозду. О сём писал литератор-публицист Н. М. Ядринцев: “В некоторых деревнях крестьяне сеяли хлеб на высоте 4 тысячи футов. Покосы бывали в таких ущельях, что сено приходилось вывозить верхом, связывая верёвками в охапки. И тем не менее, крестьяне облюбовали эти места за девственную почву... Благодать – чернозём 6 вершков глубины”⁴¹.

Приживаясь на забайкальских землях, семейские, хотя и жили скрытно, хотя и сторонились “поганистых” – патриарших сибиряков и бурят, – тем не менее, немало переняли из хозяйственного опыта у тех и других. Русские крестьяне, давно жившие бок о бок с бурятами и эвенками, возродили “баргутские каналы” – ирригационные сооружения, коими пользовались некогда обитавшие здесь народы. “...Многие крестьяне воспользовались древними инородческими каналами”, – писал Н. М. Ядринцев⁴².

Не только государственные мужи России XVII, XVIII, XIX веков и путешествующие этнографы, такие, как С. Максимов, но и знаменитые русские писатели Некрасов, Гончаров, Мельников-Печерский, Чехов с удивлением и восхищением писали о семейских крестьянах, которые обратили сухую степь и студёный горный камень в щедрую житницу и наладили в забайкальской тьмутаракани крепкое, красивое, мудрое житьё-бытьё.

Поэт Николай Некрасов с радостным дивлением описал Тарбагатай – большое семейское село в Забайкалье: *“Горсточку русских сослали // В страшную глушь за раскол, // Волю да землю им дали; // Год незаметно прошёл – // Едут туда комиссары, // Глядь – уж деревня стоит. // Риги, сараи, амбары! // В кузнице молот стучит. // Мельницу выстроят скоро. <...> // Вновь через год побывали, // Новое чудо нашли: // Жители хлеб собирали // С прежде бесплодной земли. // Так постепенно в полвека // Вырос огромный посад. <...> Как там возделаны нивы, // Как там обильны стада! // Высокорослы, красивы // Жители, бодры всегда, // Сыты там кони-то, сыты, // Каждый там сыто живёт, // Тёсом там избы-то крыты, // Ну, уж, зато и народ! // Взросшие в нравах суровых, // Сами творят они суд, // Рекутов ставят здоровых, // Трезво и честно живут, // Подати платят до срока, // Только ты им не мешай. // “Где ж та деревня?” // – Далёко, // Имя ей: Тарбагатай, // Страшная глушь, за Байкалом...”*

И. А. Гончаров, возвращаясь из кругосветного путешествия по Якутско-Аянскому тракту, встречался со станционными крестьянами. “Русские все старообрядцы, все переселенцы из-за Байкала <...> Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занашивал, – так оживлены поля хлебами, ячменём, и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет. Хлеб – уже в снопах, сено – в стогах”⁴³.

Где в семье достаток, обрётённый праведным трудом, где крепок Домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские (“поляцкие”) красивы и дородны, напоминая донских и малороссийских казачек, а старики похожи на библейских пророков – все так и просятся на живописные полотна.

Ю. Д. Талько-Грынцевич, врач, археолог, антрополог и этнограф, познакомившись с раскольниками, сотни крестьян обследовав, пришёл к выводу, что семейские среди великороссов антропологически ближе всех стоят к исконному славянскому типу. Учёный “...нашёл в них выдающуюся по чистоте типа и сохранению народного культа отрасль великорусского племени”⁴⁴. С. Максимов отметил, что староверческие жёнки “поражают красотой лиц

и дородством тела⁴⁵. А декабрист Андрей Розен, побывав в старообрядческих селениях во время ссылки в Забайкалье в 1830 году, писал: “Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами... а люди, люди!.. Ну, право, все молодец к молодцу! Красивы, не хуже донских, — рослые, белолицые, румяные... Всё у них... показывало довольство, порядок, трудолюбие⁴⁶. Подчёркивая, что и внешняя красота старообрядцев исходила из их нравственной жизни, Г. М. Осокин утверждал, что “ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения⁴⁷”.

Как ни утесняла раскольников государева власть, но и власть осознала, а иной раз откровенно признавала: ревнители *древлерусского благочестия* — духовно-культурный и хозяйственный цвет русского народа, о чём писал и П. И. Мельников-Печерский, будучи не столько писателем, сколько царским чиновником. Речь даже не идёт о том, что старообрядцы к XIX веку породили выдающихся купцов, промышленников, много содейвавших для процветания России. Похвальные слова семейским, с Божьей помощью и великим крестьянским талантом освоившим дикие забайкальские земли, звучали даже из уст Трескина, иркутского губернатора: “*Пример редкого трудолюбия, прилежания к хлебопашеству подают поселённые в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за сорок на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает обвести по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепользность крестьян-староверов Верхнеудинского уезда — Мухоршибирской, Куналейской и Урлукской волостей — и изъявить им за то совершенную признательность*”⁴⁸.

* * *

Семейские крестьяне — исконные хлеборобы, они несколько столетий выращивали на бесплодных, казалось бы, каменистых землях богатые урожаи пшеницы, ярицы, овса, ячменя, гречихи; а и в двадцатом веке забайкальские районы Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский, где основное население — семейские, почитались хлебными житницами.

Но семейские и прекрасные огородники, садоводы, отчего ощущается выраженная в говоре, обычае, обряде и наряде, хотя и далёкая, да немеркнущая, родовая связь с южнорусами — малороссами, белорусами. Паллас писал о садоводстве и овощеводстве староверов, переселённых всего шесть лет назад в Забайкалье: “Сеют здесь (в забайкальском селе Хилок, что на реке Хилке. — **А. Б.**) ярицу, также арбузы, кои по садам у поляков, так же как и около Селенгинска, хорошо удаются⁴⁹. Болонев Ф. Ф. в книге “Семейские” использует “письма о Сибири” учёного натуралиста-ботаника Иоганна Сиверса, который, путешествуя в Забайкалье в 1791 году, “отмечал, что “разного рода огородные растения, особенно белокочанная капуста, кое-где картофель, белая круглая репа, горчица, хрен, разные сорта лука, а также, конечно, гречиха вызревают здесь довольно хорошо... Много дынь и арбузов выращивается в деревне Усть-Кяхта, в 18 верстах от Кяхты, хотя вес их редко превышает 5 фунтов, но они, тем не менее, довольно вкусные. Точно так же преуспевают брюква, мелкая фасоль, огурцы и тыквы. Польские колонисты (*раскольники*. — **А. Б.**) пытаются разводить чечевицу и лён. <...> “Польские” и русские крестьяне (с. Урлук. — **А. Б.**), поселённые лет 30 назад, ввели земледелие и фруктовое садоводство⁵⁰”.

* * *

Автор сего очерка родился и вырос в забайкальской крестьянской семье, и коль речь зашла о семейских — знатных овощеводах и садоводах, — вспомнилась, живо увиделась давнишняя картина. Семидесятые годы обитал я в Верхнеудинске и, помню, на городском базаре торговали картошкой, домощенными огурцами, помидорами, луком бойкие семейские бабоньки и ста-

рухи в старинных русских сарафанах, запанах, повязанные цветастыми гарусными платками или в кичках. Наезжали жёнки с кулями и тальниковыми корзинами из городских предместий и ближних деревень — из того же, воспетого Николаем Некрасовым, Тарбагатайского посада. Как сейчас, дивясь, вижу длинные, похожие на огородные гряды, базарные ряды, заваленные овощами: в зазывно отпахнутых кулях ядрёная картоха, урождённая на сдобренных навозом песчаных землях возле сосновых боров, отчего и отменно крупная — хрушкая, не изрытая глазками и червоточиной, с шершавой кожейцей, рассыпчатая — чёрствая, не жидкая, не картоха, объеденье одно; а рядом — тугие, налитые забайкальским зноем, влажно поблескивающие, словно в предутренней росе, огурцы и помидоры; и под стать им — семейские бабоньки, крепко налитые — не ущипнуть, с певчим по-малороссийски либо по-сороцки частым, взвизгивающим, чудным говорком, — словом, семисюхи, как дразнили семейских коренные сибирцы за частый, вроде даже подсюсюкивающий говор, а заодно и, на взгляд простоватых сибиряков, за природную потаённость, скупость и вредность.

И — радостно дивило — все семейские на базаре, старухи, и пожилые бабы, красовались в ярких, цветастых сарафанах и пёстрых запанах, повязанных поверх сарафанов, отчего чудилось: бабы напялили ворох юбок. Головы венчались, опять же словно на малороссийский лад, цветастыми кичками. Зрелище дивное, сказочное... Лишь, бывало, глянешь на базар — душа радуется, ликует глаз от обилия зрелого овоща, от небесной, солнечной и цветочной яркости сарафанов и запанов, и слух увеселяется крикливым, но сочным, старинным говором, что сберегли семейские в чистоте и щедрости со времён царя Алексея Тишайшего.

Вельми поучительно для Иванов, презревших родовую память: по всей земле святорусской лишь старообрядцы до конца XX века облокались в исконный русский наряд: праздничный и обыденный; не пошло упрощённый, фестивальный — сарафан выше багрово набрякших колен, картонная корона на власах, — а подлинный, что бытовал в народе сотни лет и лишь в начале XX века по воле правящих супостатов утаился в сундуках. Тысячу лет эдак по-русски одевались, и вдруг застеснялись сарафана, косоворотки, простонародной речи, родного обычая и обряда...

И не для “машкарада” выражались семейские жёны и девки в стародавние сарафаны и запаны, не на посмех крутили на косы затейливыве кички, а потому, что верно хранили устои предков. Недаром, отстаивая старинный русский сарафан, пели семейские девчата в довоенную пору:

*Я семейская была
И семейской буду.
Свой семейский сарафан
Сроду не забуду.*

Ветреная мода, упорно дующая с запада, выкидывала фортели один чуднее другого, и лишь перед семейскими жёнками мода никла: не попускались жёнки пестрорядными сарафанами, цветастыми кичками и... древними обрядами. Но и в семейщине к концу двадцатого века исконный русский наряд — суть прикладное народное искусство — вытеснился безликим, безнациональным костюмом, словно железобетонные кубы заслонили солнеликие избы.

И многоголосые, протяжные семейские песни, увы, потеснили вначале частушки-тараторки, потом — советские песни, а на закате прошлого века и вовсе — вопли нежити с Лысой горы. Хотя пение семейских, четверть века звучащее по радио, благоговейно слушал весь народ русский; а в начале XX века песни семейских, записанные Николаем Протасовым, высоко оценил Н. А. Римский-Корсаков, услышав в них “признаки древней чистой русской мелодии”. Песни, посланные Протасовым Римскому-Корсакову, были переданы композитору С. И. Танееву.

Теперь над дедовскими песнями, обычаями и обрядами может посмеяться и малый, нос рукавом утирающий: воздевай руки к небу, пой славу Богу, кланяйся земле — толку мало, удобрять надо. Верно, назымить надо, но и без поклонной любви к земле родится лишь дурнопьяная сорная трава. Земледельческие обряды — любовь к земле, ко всей Вселенной, Божиему Творению — любовь, воплощённая в народной поэзии, а уж из любви и рождается на земле всё живое, благолепное, ибо Бог есть Любовь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лебедев Л. Крещение Руси. Издательство Московской Патриархии. М., 1987.
- ² Там же.
- ³ Впрочем, сие лишь в былинном изложении сказителей.
- ⁴ Семейские – раскольники, сосланные в Забайкалье при царице Екатерине.
- ⁵ Рыбаков Б. Язычество древней Руси. М., 1987.
- ⁶ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982.
- ⁷ Болонев Ф. Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII – начале XX века (Семейские Забайкалья). Новосибирск, 1996.
- ⁸ Более подробно о сём в очерке автора “Семейский корень”.
- ⁹ Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаённых старообрядческих преданий, записок и писем Церкви Сошествия Святого Духа на Большой Охте. М., 1890.
- ¹⁰ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1.
- ¹¹ Мотицкий В. П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.
- ¹² Там же.
- ¹³ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1930.
- ¹⁴ Щапов А. П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII. – Соч., т. 1. Спб, 1906.
- ¹⁵ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- ¹⁶ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, 1903.
- ¹⁷ Подробно о сём в очерке автора “Русский обычай”.
- ¹⁸ Название иконе дано по благословию преподобного Амвросия Оптинского.
- ¹⁹ Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1978.
- ²⁰ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, 1903.
- ²¹ Там же.
- ²² Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, 1903.
- ²³ Максимов С. В. Собр. соч. Т. 18. Неведомая сила. С.-Петербург, 1903.
- ²⁴ П. И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах. М., 1989.
- ²⁵ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, 1903.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982.
- ²⁸ Соха – пахотное орудие типа рала у русских – с широкой рабочей частью (рассохой) из дерева, оснащённой двумя железными сошниками и железной лопаткой – полицей, и соединённой в верхней части с оглоблями, в которые запрягали лошадь. Главное отличие от плуга в том, что соха не переворачивала пласт земли, а лишь отваливала его в сторону. По сравнению с плугом соха требовала при пахоте меньшего тягового усилия лошади, но больших физических усилий и мастерства от пахаря. Глубина обработки почвы сохой – до 12 см. Соха использовалась для пахоты подзолистых почв в зоне хвойных и смешанных лесов, толщина плодородного слоя которых в начале XX века редко достигала 15 см. В русских письменных памятниках упоминается только с XIV в., однако применялась значительно раньше, о чём свидетельствуют находки железных сошников VII–VIII вв.
- ²⁹ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ³⁰ Далее из очерка автора о былинном Илье Муромце – преподобном Илие Муромском, Киево-Печерском чудотворце.
- ³¹ Подробно о сём в очерке автора об Илье Муромце.
- ³² Очерк писался в советские времена; а самочинных-самозванных правителей России конца XX – начала XXI не то что “земляничкой” угостить, мало на колы посадить: под корень извели российское сельское хозяйство.

- ³³ Болонев Ф. Ф. "Народный календарь семейских Забайкалья". Новосибирск, 1978.
- ³⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб, 1772. Ч. 3. Половина 1.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
- ³⁸ Польскими поселенцами, поляками именовали старообрядцев, при Екатерине II переселённых с польских земель, кода Польша входила в состав Российской империи.
- ³⁹ Мотицкий В. П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.
- ⁴⁰ Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб, 1880.
- ⁴¹ Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая. // Сиб. сб., 1886. Кн. 1.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". Л., "Наука", 1986.
- ⁴⁴ Талько-Грынцевич Ю. Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. – Протоколы общего собрания Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отд. РГО. Кяхта, 1894. № 2.
- ⁴⁵ Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Цитировано по книге: Болонев Ф. Ф. Духовная культура и быт русских крестьян-старожилов юго-восточной Сибири в XVIII – начале XX века (Семейские Забайкалья). Новосибирск, 1996.
- ⁴⁸ Цит. по: Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1978.
- ⁴⁹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб, 17882. Ч. 3.
- ⁵⁰ Болонев Ф. Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1985.